

ЛЕКЦИЯ 12

Сегодня у нас последнее занятие, на этом мы завершаем наш курс античной философии, не исчерпав ее, конечно. Но что могли, то сделали.

Мы занимались Аристотелем и выявили основные вещи, связанные с тем, как он пытался организовать весь строй античного мышления, но есть еще некоторые существенные и интересные моменты, о которых стоило бы порассуждать, подумать. Вся совокупность понятий Аристотеля довольно большая, потому что Аристотель, как я уже говорил, философ-называть. Скажем, Платон, скорее, аристократический, элитарный философ: своим текстом он пытается организовать пафос и состояние, свое и человека, к которому обращается, пытается вовлечь его в бурный поток философствования. А Аристотель вглядывается и каждый шаг называет, поэтому, собственно, именно у него появляется учение о категориях (хотя все они фигурируют в потоке платоновского изложения, но у Платона другая задача); Аристотель как бы приостанавливается на каждом шажке и идет дальше, оставив для предшествующего название: «количество», «качество», «мера», «возможность», «необходимость» и так далее. Или те, о которых я говорил, — «возможность», «действительность», «актуальность», «потенциальность». Он говорит еще об энтелехии, об энергии, различая эргон (результат, продукт) и энергѳю (энергию, деятельность в дѳящемся виде). Для всего у него есть

названия, Аристотель тонкий, глубокий называтель (если не употреблять слова «гениальный», потому что оно настолько стерлось, что все уже называется гениальным).

Вся эта назывательная работа, которая на целые века вперед, на тысячелетия определила тот словарный запас, на котором мы говорим, часто не отдавая себе отчета в том, что многие из этих слов восходят к Аристотелю, условно может быть организована вокруг попытки Аристотеля (и здесь мы делаем дальнейший шаг по сравнению с тем, о чем говорили) описать нечто, что можно назвать сферой бытия, сферой не в смысле какого-то плоского пространства, в котором что-то происходит, а в буквальном смысле слова чем-то объемлющим, или объемным, где есть центр и периферия, где можно даже говорить о кривых линиях и так далее, чем-то не имеющим начала и конца, где мы проходим разные точки и потом оказываемся в той, в какой были. Это сфера бытия и мысли. Почему я это говорю? Дело в том, что Аристотель, очевидно, имел дело с особенностью или тайной бытия, которая затем осмысливается в теологических рассуждениях.

Развитые, сложные рассуждения на эту тему есть, начиная, по-моему, с неоплатоников, с Плотина: они выработали образ, который приложили к определению божества, — некой таинственной силы или сущности, единой в мире и скрытой в нем, которая сама себя мыслит. Это, кстати, завершающий итог философии Аристотеля: в конце прошлой лекции я ввел понятие ума как начала науки, [ума,] который одновременно и есть предмет, то есть само бытие — ум, область неделимого, где нет заблуждения, а есть только мышление (или есть, или нет); там у Аристотеля появился такой образ: божеством называется нечто, что мыслит свою мысль, или — мышление мышления, мысль мысли*.

* Аристотель, *Метафизика*, XII 7, 1072b 23.

Это очень трудно ухватить, и я лишь коротко это помечу, чтобы ввести образ неоплатоников и потом рассуждать дальше.

Я добавлю одну ассоциацию, чтобы легче было разобраться. Позже, уже в Новое время, эта идея, которая выразилась через формулу Аристотеля «мысль мысли», выражалась через различение *natura naturata* (порожденная, или произведенная, природа) и *natura naturans* (порождающая природа). Что имелось в виду Аристотелем? Имелось в виду, что нечто, называемое «мыслью мысли», есть указание на следующее: обычно «мыслью» мы называем мысль об определенных предметах, мысль всегда имеет какое-то содержание, она о чем-то, но есть еще мысль мысли не в том смысле, что вот есть мысль у меня, или в науке, или у вас, а есть еще в логике учение о мысли в науке, у меня, у вас, как бы изображение мысли, — нет, Аристотель явно говорит о чем-то другом, потому что он говорит: существо, вечно и бесконечно мыслящее мысль. Он имеет в виду явно что-то другое, не просто фотографию, или картинку, мысли, которую давало бы особое учение, называемое логикой, или теорией познания, или философией, или чем-то еще. И действительно, он имеет в виду то, что потом пытались выразить через различение производящей природы и произведенной природы, — мысль, производящую источник мыслей, мысль как источник возможных мыслей, то есть первичная мысль есть не мысль о каком-то определенном содержании, а мысль, создающая источник других мыслей (как если бы не творить что-либо прямо, а творить творящее, или творить творцов).

Имейте в виду, что здесь глубокая вещь, — сотворенное *само* случится. Нельзя прямо мыслить, творить, можно лишь мыслить так, чтобы породилась возможность мысли, мысли, которая или есть, или нет. Мысль будет *сама*; она обладает признаком «есть», а не является предикатом. Ведь мышление — это предикативная

деятельность, и оказывается, что условием предикативной деятельности (приписывания предметам каких-то признаков, что и есть мышление) является «есть» мысли, — или ее [(мысли)] нет, тогда ничего нет, [потому что] мы в области неделимого. И вот это «есть» мысли, которое невыводимо ни из какого содержания, а может лишь быть или не быть, и есть то, что Аристотель называет «нечто, мыслящее мысль», и называет это «богом» (возможны и другие названия, но их не так уж много, кстати, столь же выразительных).

В этой завершающей спекулятивной тезе Аристотеля мы видим ту простую и парадоксальную вещь, вокруг которой крутился почти все время мой рассказ об античной философии: знаменитый парадокс невозможности мышления. Мы не можем получать мысли, просто направив вперед нашу волю и сознание, не можем нашей волей и сознанием, направленными вперед в потоке времени, родить впереди новую мысль, не можем, потому что еще греки показывали — Зенон показывал, и Сократ думал об этом, но в других терминах, — что есть так называемая невытекаемость одного момента времени или содержания одного момента времени из содержания другого момента времени. Я говорил, что для этого прилива есть образ смерти, который есть символ, указующий нам, что наша мысль во времени и должна удерживаться во времени.

И как же мы приходим к новой мысли? Я могу сказать это на следующем языке. Мысль породится не моим отсюда направленным вперед взглядом (так же как нельзя взволноваться, желая взволноваться, нельзя любить желанием любить), философия фактически об этом и говорит, когда употребляет такие понятия, как «бытие», «есть», «мыслящая мысль». Имеется в виду, что мы можем лишь делать так, чтобы нечто само возникло: оно породит мысль, или оно полюбит, или оно взволнуется. И этот факт философия называет словом «есть». *Есть* — нечто, что не является

предикатом, а является бытием. Мы видим, что Аристотель в этой формуле занимается по-прежнему той самой штукой, о которой я рассказывал в связи с Сократом, занимается тем, что я назвал парадоксом мышления, — это факт невозможности мышления, хотя мышление случается, новые мысли бывают, точно так же как мы можем устойчиво сосредотачиваться вокруг какой-то страсти, достоинства, чести, мы можем быть устойчиво привязанными, быть верными, но все эти состояния (верности, привязанности, сосредоточения) сами по себе никаким самодействующим механизмом природы не обеспечены, наоборот, как раз ходом времени они все исключены: ведь то, что я есть сейчас, не вытекает из того, что я был вчера, следовательно, и то, что будет завтра, не вытекает из того, что есть сейчас. А как же мне завтра подумать новую мысль, откуда, каким образом она случится? Какое же чудо в том, что я, начав думать сегодня, завтра завершаю думание, выныривая с решением задачи или с новой мыслью! Это чудо. И следующий момент этого чуда состоит в том, что мы прямо создавать не можем, мы можем лишь создавать условия *создающего мысль*, — это называется «мысль мысли».

И вот мы пришли к той самой сфере, [о которой я говорил в начале лекции]. Приведу неоплатоновскую формулу: Бог описывается как сфера, центр которой везде, а периферия нигде, — метафора, изобретенная очень давно. Если четко держать мысль, которая выражена через эту метафору, то метафору можно перевернуть и выразить ту же самую мысль: а именно сказать, что это такая сфера, периферия которой везде, а центра нигде нет. Возьмем эту метафору и соединим ее с формулой Аристотеля о мыслящей себя мысли, или мысли мысли. (Так же как раньше в связи с Платоном я употреблял термины «порядок порядков», «закон законов». Естественно, что «закон законов» не может быть еще одним законом, это что-то

другое; «порядок порядков» не может быть еще одним порядком среди порядков. В этом же смысле употребляется словосочетание «мысль мысли»: это мысль, которая сама не является одной из мыслей, это мысль мыслей, она как бы условие источника порождения мыслей, а источнику приписывается слово «есть» — он есть.)

Взяв метафору сферы и соединив ее с формулой Аристотеля, мы понимаем, что она хочет сказать, говоря, что центр везде: бытие всегда перемещается как бы по точкам. Допустим, что здесь есть бытие; чтобы там (завтра или в другом месте) было что-то, там должно быть бытие, должно быть «есть». Возьмем подсобную ассоциацию. Я говорил неоднократно, что человеческие вещи, или человеческие институты (то есть все те явления, которые специфически человеческие), отличаются тем свойством, что они сами по себе не существуют, они все время непрерывно, заново рождаются. Вчерашняя добродетель не имеет значения, и завтра знать — тоже не имеет значения. Имеет значение *hic et nunc* — здесь и теперь. Но ведь «здесь и теперь» каждый раз [должно возобновляться]. Представьте себе, что «здесь и теперь» — это центр. Если бы можно было что-то сделать раз и навсегда, то мы могли бы оставить позади себя центр и предмет, порожденный в центре этого непрерывно возрождающегося усилия (усилие поддержания предмета должно непрерывно возобновляться). Ну, допустим, что мы что-то смогли сделать раз и навсегда. Это и означало бы, выражаясь метафорически, что центр мы оставили там... и пошли. Но этого не может быть, потому что все должно с усилием заново возродиться, и то, что нам кажется пребыванием, есть видимость, а в действительности все время заново рождается. Я могу сказать и так: центр везде, и все, что вовлечено в него, — это периферия, то есть [центр] организует вокруг себя сферу, но мы нигде не можем обозначить ее периферию. Мы не можем делить, не можем обозначить периферию.

Я показал, что мысль может держаться и существовать, если все время возрождается усилие мыслить эту мысль; ее нельзя помыслить так, чтобы потом не держать ее. Это очень четко видно у Декарта: эта же идея держания оформлена у Декарта в виде процедуры сомнения. Даже в установленных истинах нужно сомневаться, чтобы не выпасть из мысли в воображение, или в представление, то есть в наглядные ассоциации, в привычки мысли. Нужно держать мысль, чтобы она могла порождать другие мысли, то есть быть в демокритовских терминах законорождённой или, в данном случае, законорождающей, а порождаемые мысли будут тогда законорождёнными мыслями. Где мы можем провести ее границы (то есть периферию)? Нигде. А центр ее везде, если под центром понимать точку все время возобновляющегося усилия, которое на себе держит пребывание предмета, в данном случае мысль. Значит, мысль мысли, или Бог, есть сфера, центр которой везде, а периферия нигде. Это как бы смещающийся центр, который в то же время неподвижен, ведь не могу же я сказать, что это смещение центра есть движение. Бытие везде — это странная какая-то вещь, и поэтому возникает идея вечного движения. Кстати, у Аристотеля идеальное движение, или первичное, истинное движение, есть движение по кругу, то есть нечто, что как бы в то же время не есть движение.

Сфера, центр которой везде, а периферия нигде, — это, конечно, метафора. А «мысль мысли» Аристотеля — это спекулятивная мысль, философская теза. Теперь понятно, почему Аристотель может сказать, что актуальное реальнее потенциального, а ведь в переводе на наш язык это означает, что реальнее то, чего нет. Скажем, еще нет предмета как целого: ребенок еще не взрослое существо. Для Аристотеля взрослый реальнее, чем ребенок. Именно ребенок вырастает во взрослого, а для Аристотеля взрослый как форма реальнее ребенка. Поэтому он может сказать далее, что теплота

есть способность согреваемого. Очень странная формула: он ведь не говорит, как потом, допустим, могли сказать, что есть особая субстанция «теплород», которая свойственна теплым телам, он не говорит, что теплота есть способность теплого, он говорит, что теплота есть способность согреваемого. Поставьте согреваемое тело на периферию, около периферии, и вы должны будете утверждать, что его свойства есть то, что в центре, то, что впереди, что уже есть, и определить качества вещей, явлений, тел можно только через центральные точки, которые *есть*: они как бы вне, они как бы центр, который влечет к себе другие [точки]. Мы мыслим о теплом теле, и, чтобы правильно мыслить о теплом теле, мы должны мыслить о нем как о способности согреваемого, не теплого, а согреваемого, то есть мыслить о нем в зависимости от центра, который везде.

Это бытие, или «есть», — над ним Аристотель и ломал голову и потом заставил над результатами ломания своей головы ломать голову все последующие поколения философов, физиков, ученых. Почему? Я частично уже говорил об этом: *есть* — это нечто, которое самим фактом «есть» производит что-то, не нашей мыслью, не рассуждением, не будучи звеном в цепи какого-то вывода, а самим «есть», так же как центр: что-то есть, потому что есть центр. То есть <следует> понимать, что центр — это вездесущность бытия, но вездесущность бытия — и в этом та трудность, о которой я говорил, — она есть лик, или индивид, индивидуальность, далее не устранимая и никуда дальше не сводимая.

Беря и осмысливая сферу, которая есть просто оформление, метафора для продумывания основного, пронизывающего всю греческую философию парадокса невозможности мышления или парадокса факта мышления, Аристотель видит в этом то, что он называет индивидами, качествами, или действностями. Несомненно, мы ничего не можем произвести, производит действность. Очень простая вещь: мы не можем по-

думать новую мысль, она может только подуматься действительностью сместившегося, повсюду, во все точки смещающегося центра, его бытие и есть *индивидуальное*, действительность, или качество. Поэтому через все размышления Аристотеля проходят энергетические термины — «деятельность», «энергия».

Позже у Гумбольдта в лингвистике появляются различения, плодотворно примененные к анализу языка. Гумбольдт говорит, что мы обычно рассматриваем язык как продукты, как совокупность существующих слов, форм и так далее. Это ошибка, говорит он. И не случайно, воюя с этой ошибкой, Гумбольдт возобновляет аристотелевскую терминологию. Я не помню, ссылается ли он в этой связи на Аристотеля или нет, но он во всяком случае использует мысленные ресурсы терминов и различений, выработанных Аристотелем. Он говорит, что язык есть не только эргон, то есть продукты, а еще и энергёя — деятельность, то есть всегда живая, длящаяся деятельность. Язык не есть набор слов и прочих элементов, которые могут быть выделены в языке, а есть продолжающаяся деятельность, а продолжающаяся деятельность содержит в себе возможность порождения все новых и новых смыслов.

Следовательно, эта деятельность мыслится как порождающая основа: не мы выдумываем слова, а деятельность их порождает (не наша деятельность с языком, а язык как деятельность). В некоторых современных лингвистических теориях и рассуждениях термин «деятельность» подхвачен, но он употребляется в его наглядном, видимом нам операциональном смысле: под деятельностью мы всегда имеем в виду деятельность кого-то (например, человека), и это берется в качестве понятия, которое используется для теоретических построений. А в действительности это радикально противоречит как смыслу этого слова у Аристотеля, так и сути дела. Речь идет не о деятельности человека, не об активности человека, а о чем-то, что *есть* и что мы

можем *только так* называть, что является деятельностью, то есть о бытии. Нечто само порождает, не мы. И бытие не есть просто готовые продукты бытия, оно длится за каждым продуктом и является тем, что Аристотель называет «деятельностью». И мы должны уметь ухватить в мире не только предметы, порожденные в нем. Мир ведь состоит только из предметов, порожденных в нем: все, что мы увидим в мире, будет порожденным предметом, то есть продуктом, или «эргоном» (в терминах Аристотеля), но мир не только это, мир еще и деятельность.

Аристотель как бы говорит, что, если есть деятельность, мир всегда состоит из совокупности невидимых точек, назовем их условно субстанциональными точками, точками действительностей, или качеств. В тех частях своего учения, где Аристотель употребляет термин «качество» в связи, или в окружении, в облаке терминов «субстанция», «энергия», «энтелехия» и так далее, качеством называется не просто то, что присуще людям, окружающим предметам и что фактически является просто качественными состояниями восприятия нами этих предметов, под качеством он имеет в виду действительность, которая является конечным пунктом движения нашего объяснения: мы останавливаемся и далее не разлагаем, потому что *подействовало*; это и есть действительное проявление какой-то интенсивности напряжения.

А бытие, как мы уже знаем, предполагает интенсивность, потому что длятся и сами по себе существуют только мертвые вещи, а все сделанное никогда не сделано раз и навсегда, всегда — непрерывное рождение, а непрерывное рождение, на волне усилия которого несетя вещь, предполагает — раз я уже употребляю слово «усилие» — интенсивность, а интенсивность есть качество, действительность, — она должна быть. Быть или не быть — это однократно, далее неделимо, и это конечный пункт в нашем движении объяснения. Мир в этом

смысле у Аристотеля как бы состоит из совокупности таких субстанциональных точек, или качеств, действительностей. Потом уже, в Средние века, а может быть, уже и во времена Аристотеля, рядом с Аристотелем, спекулятивный ход мысли, решающий проблемы, о которых я говорю, превратился в наглядно понятную, а потом отвергнутую, хотя и долго господствовавшую теорию, что есть качества вещей: теплота — это качество тел быть теплыми, им присуща теплота, снотворное — это вещество, которому присуща снотворная сила, и так далее. Так был понят Аристотель, и потом приходилось эти силы или качества устранять из научных построений.

Но в действительности, как мы видим, мысль-то несколько иная: качества есть точки, а не просто нечто существующее в отдельных вещах и являющееся их качествами. И уже понимание вещей, рассуждение о них зависит от ссылки, апелляции к действительностям, которые являются конечным, или окончательным, последним условием вообще какого-либо появления, рождения, существования и так далее. Понятие действительности (или качества, или деятельности) у Аристотеля-называетеля появляется как продукт движения его мысли в осмыслении, обдумывании центра сферы, который везде, и ее периферии, которая нигде, то есть он продумывает основной парадокс, ощущаемый греками, парадокс подвешенного движения мысли, — а оно подвешено, потому что впереди из содержания мысли ничего не вытечет. Есть подвешенность, и тем не менее мысль случается, бывает (так же как мы не всегда рассеиваемся, мы иногда и сосредоточены), и, чтобы это было, там, впереди, будет центр, который, как известно, везде.

Обдумывая это, Аристотель одну сторону этой сферы называет «формой», память еще об одном шаге своего обдумывания он оставит нам в названии «действительность», «качество». Вот в каком контексте стоит появление и откуда берутся все эти термины и понятия, —

они все могут быть взяты и рассмотрены как единое движение мысли Аристотеля в обдумывании основного и решающего парадокса античного мышления.

Аристотелевские качества, будучи интенсивностями, или действительностями, очень странным, но логичным для Аристотеля и вообще для самой сути проблемы образом соединены с идеей формы. Вообще, в античном мышлении среди многих его дилемм была еще одна, возникшая между следующими двумя вещами. Из демокритовского атомизма вытекала попытка (хотя замысел самого атомизма был несколько иной) объяснять разные явления мира из сочетания частей, из которых составлено явление или тело: взаимодействие элементов, на которые раскладывается тело или явление, объясняет видимые нам явления. Скажем, античная медицина во многом была основана на таком подходе к физиологическим проявлениям человеческого организма: механизм раскладывался на отдельные элементы, или части, а само явление объяснялось некоторым взаимодействием между частями. Аристотель же сформулировал другую дилемму. Он обратил внимание на следующее: есть вещи, которые невыводимы и не могут быть объяснены никаким взаимодействием частей и элементов, то есть частей и элементов, которые предполагаются существующими, — они (части) вступают в какие-то взаимодействия, соединяются, распадаются и так далее, и описанием распада, соединения и разных комбинаций можно объяснить наблюдаемое явление, но для этого части должны существовать. Хорошо, говорит на это Аристотель, но каким же образом человек, у которого нет руки (она отрублена), передает ее своему потомству, рождая не однуруких детей? Как разлагать это на части? Ведь есть еще феномен упорядоченности, или организации, называемый Аристотелем формой. Это организация, которая сама не может быть взята в качестве реально существующей части, или элемента. И это факт, который (...).

Основная мысль Аристотеля во всем кручении этих понятий состоит в том, что то, что мы называем бытием и к чему прилагается термин «бытие», — это нечто индивидуально, [оно] есть далее неразложимый лик (на обычном языке это можно так назвать). И «сущность» Аристотель называет прежде всего то, что относится к бытию и является чем-то само по себе, — это нечто, что из самого себя. Скажем, вы рождены своими родителями, но то, что вы — это вы, далее не сводимо ни к чему, в том числе к вашим родителям. Вы существуете как индивид. Прорабатывая дальше эту мысль, Аристотель говорит, что сущность, или индивид, есть нечто, о чем сказывается нечто другое, а само оно не сказывается ни о чем другом, или не является предикатом ничего другого. Сущность — это то, о чем мы вырабатываем какие-то предикаты, а само оно не является предикатом чего-либо другого, оно существует через самое себя в этом смысле слова и пониматься должно через самое себя. Так же мы говорим о «есть»: оно есть само через себя, и оно же конечный пункт нашего понимания. В нашем понимании мы должны приходиться к тому, что ни о чем другом не сказывается, или само сказывается, само о себе сказывается, и, сказавшись само по себе, или о самом себе, оно индивидуально. Оно же действительность. Но мы можем говорить об этой действительности, имея в виду энергетическую сторону дела (интенсивность), а можем говорить о ней, о действительности, имея в виду материально неопределимую, или неуловимую, организацию, порядок.

Как бы мы ни раскладывали человеческое тело на части и ни объясняли какие-то качества, свойства взаимодействием частей, все равно есть что-то неразложимое на взаимодействие частей, и это нечто называется формой. Ведь ребенок вырастает, руководимый формой взрослого: она как бы вытягивает из ребенка то, чем он станет. Так же как центр — впереди, и если впереди его нет, то все рассеивается, распадается и ничего не будет.

Действует он самим фактом «есть», но этот факт «есть» может быть взят со стороны действительности, или со стороны его упорядочивающей, следовательно, формальной способности, несводимой к взаимодействию частей, на которые можно разложить явление или предмет, и тем самым [как факт,] характеризующий однократностью, и так далее.

Следовательно, Аристотель как бы формулирует следующий принцип познания нами мира. Мы можем познавать мир, явления и предметы в нем, если мы сможем разложить эти предметы на такие конечные элементы, которые есть сами через себя. В своем разложении вещей мы не то что должны доходить до каких-то элементов, или частиц (которые были бы столь же материальны, как и сами предметы, но просто, скажем, были бы невидимы, как атомы, и потом из взаимодействия тех частей, на которые мы разложили тело, или предмет, или явление, должны складывать само явление и тем самым объяснять его), — нет, конечными «элементами», или «частями» (уже в кавычках), являются сущности — то, что есть не по отношению к чему-то другому, не через отношение к другому, то есть не сказывается о чем-нибудь другом, а есть нечто такое, о чем сказывается (само оно не сказывается ни о чем, оно само по себе). Короче говоря, Аристотель вводит процедуру, которая позже в науке и в философии стала называться редуктивной процедурой. Она состоит в разложении явлений на простые элементы (простым является то, что дальше не разлагается), и потом — объяснение самих предметов или явлений из композиции простых элементов, до которых, как до конечных, мы дошли в нашем разложении, разделении и так далее. Тогда эти элементы, или сущности (в терминологии Аристотеля), являются абсолютными, или универсальными.

Здесь у Аристотеля имеется очень странный ход, который до сих пор остается загадкой для науки и с которым наука до сих пор не справляется, унаследовав его

от Аристотеля в качестве какой-то вечной манящей проблемы. Чтобы сделать шаг дальше, я завершу ход мысли. Я подчеркиваю, что абсолютным является нечто, что понимается не из отношения к чему-нибудь другому, а из самого себя; предельным образом чего-то, понимаемого из самого себя, является индивидуальность, или индивид, но индивид (неразложимый далее лик: он есть весь или его нет) — это самое непонятное и неуловимое.

Наука пошла как раз по пути выявления таких простых элементов, или сущностей, которые элиминируют то, что Аристотель называл действностями, качествами, или индивидами, и оставила их как нечто необъяснимое. Эта процедура разложения на части (причем на мыслимые, не обязательно реальные части) у Декарта, в науке Нового времени, была выделением таких простых качеств, которые являются одновременно и первичными. В отличие от вторичных качеств, которые нам только представляются, кажутся в силу того, что мы, скажем, ощущаем сладкое, горькое (это все вторичные качества), первичные качества — это форма, движение, протяженность. Так вот, сводя к элементам и потом из них объясняя составные явления, наука вообще запретила разговор о силах, о действностях, которые сами по себе были бы присущи вещам и имели бы какое-то имманентное значение и содержание. Движение, форма — они всепроникающие и в этом смысле универсальные [качества], и они могут быть соединены, как они соединились у атомистов в символе атома, который есть представитель качеств, пронизывающих все предметы. Тем самым снимается и остается неразрешимой как раз проблема индивидуальности.

В мире новой и новейшей философии и науки (начиная с XVII века) нет качеств и индивидуальностей в смысле Аристотеля. Наука строится как бы ценой дереализации реальности. Как ни парадоксально — и эту мысль очень трудно ухватить, — наука вообще не учит и не рассказывает ни о чем существующем. Как

вы видите, у Аристотеля была совсем другая мысль: у него мышление могло быть только о существующем. А наука учит и рассказывает о возможностях не в аристотелевском смысле, о тех возможностях, которые, кстати, для Аристотеля менее реальны, чем актуалии, и то, что для Аристотеля менее реально, стало единственной реальностью для науки. В каком смысле наука не рассказывает ни о чем существующем, хотя, судя по ее языку, она говорит о чем-то существующем? Например, наука описывает столкновение тел. Она объясняет эффект удара, столкновения, оперируя частицами, называемыми корпускулами, или атомами (которым, кстати, приписывается неизменность), и вычисление формулы скорости удаления друг от друга столкнувшихся предметов, определение направления их движения до и после столкновения производятся только с учетом и на основе свойств атомов, из которых состоят тела. Таков рассказ науки. Тогда можно понять это так (вдумайтесь в это дело): вы говорите, что тела состоят из неизменных атомов, и, таким образом, взаимодействием неизменных атомов объясняете эффект удара, столкновения тел, но этого не может быть, потому что неизменные атомы, по определению, не могут соприкасаться, ударяться, ведь соприкоснуться может только нечто состоящее из частей, а раз есть соприкосновение, то есть и изменение и, значит, нет неизменных атомов.

И понадобился такой ученый, как Гюйгенс, который, поясняя, о чем рассказывает наука, сказал примерно следующее: соприкасаются и ударяются не атомы, но тела, а соприкосновением атомов объясняется соприкосновение тел. Если мы ввели какие-то способы объяснения посредством атомов, ввели их на основе определенных правил введения понятий, ввели для пояснения, объяснения наглядно видимых столкновений тел (а сталкиваются именно тела), то мы не можем от этих атомов ожидать наглядных свойств сталкивающихся тел. Ведь посредством введения атомов мы

объясняем некое пространство, в котором есть возможности столкновения тел, то есть вводим рациональный закон организации этого пространства. А столкнутся-то тела, столкнутся своими частями, в этих частях будет изменение состояний и так далее. То, что мы воспринимаем, что фиксируется нашими чувствами, — это то, что существует, а наука (атомная, или корпускулярная, теория соударения тел) рассказывала не об этом, она вообще не рассказывала о существующем. Чтобы понять реальность, нужно ее сначала дереализовать и потом твердо помнить, что введенные понятия формулируют рациональные законы относительно возможностей (или потенциалов) этой дереализованной реальности и что нельзя от них требовать той наглядности, с какой мы воспринимаем существующее. Атомная теория вовсе не утверждает, что соприкасаются и соударяются атомы. Соприкасаться, соударяться будут тела, а атомы принадлежат к тому дереализованному пространству, где возможности соударяющихся тел описываются таким образом, что для них можно получить какое-то описание или формулу: рассчитать скорость, изменение состояния, энергию и так далее.

И конечно, по сравнению с таким описанием язык Аристотеля обладает плотностью реальности, плотностью существования, и одновременно эта плотность существования и реальности научно непонятна. Как быть с индивидами, мы не знаем. Очень интересные рассуждения в этой связи приводил в свое время Шрёдингер (один из крупнейших физиков XX века, один из основателей квантовой механики). Он, кстати, в этой связи ссылался на греческую философию, приводя в качестве примера и опоры для своего рассуждения отрывок из Демокрита, где происходит воображаемый диалог между Разумом и Чувствами¹. Если вы помните, Разум дол-

¹ Пример из книги Э. Шредингера «Разум и материя». — *Примеч. ред.*

жен говорить Чувствам, что сладкое — по примышлению, горькое — по примышлению, красное — по примышлению, зеленое — по примышлению, а в действительности — только атомы и пустота*. На что Чувства отвечают Разуму: зря ты так занозишься, ведь к тому, к чему ты пришел (к выводам, к которым ты пришел), ты пришел на основе заимствования у нас, у Чувств, у Восприятия. И Шрёдингер далее комментирует: дело в том, что в той картине, которую опишет Разум, а делает он это, отправляясь от данных Чувств, — в этой картине для того, что показывают чувства, места не будет. Отчасти это я и называл дереализацией реальности.

Например, мы строим теорию света, отталкиваясь от какой-то совокупности фактов, или явлений, восприятия света, берем ее за основу, но то, что мы рассказываем о световых волнах на языке науки, ни в одном пункте не содержит наших световых ощущений (назовем их условно «качествами»). То, о чем будет рассказано и к чему мы шли, анализируя совокупность световых ощущений (структура световых волн), этих ощущений нигде, ни в одном пункте не содержит, и, как бы мы ее ни растягивали, мы нигде не приходим к ощущению. Более того, окажется, что при иначе организованной чувственности (и неизменной физической картине) то, что одни существа воспринимают как свет, другие будут воспринимать как звук. И описываемая картина научна в той мере, в какой она ни в одном своем пункте не содержит качеств. Но, простите, мы шли к ней все-таки на основе так называемых наблюдений, экспериментов, в которых фигурировали все наши чувственные состояния... куда они исчезли?! Мы пришли к картине, от которой не можем вернуться назад к этим чувственным состояниям, более того, картина остается научной, рациональной в той мере, в какой она как раз не содержит в себе

* Секст Эмпирик, *Против ученых*, VII 135.

никаких этих качеств, и по одной простой причине: формулируемые физические законы должны быть универсальными, то есть они не должны зависеть от случайности, что их наблюдает именно человеческое существо, а не какое-нибудь другое, не марсианин. Например, законы Максвелла сформулированы так, что допускают волны любых частот, а допущение волн любых частот есть одновременно наша мысль о них: мы знаем, что есть волны разных частот, а не только тех, которые доступны разрешающей способности нашего аппарата восприятия. Следовательно, сама теория частот света в той мере, в какой она формулирует закон, сформулирована независимо от нашей способности восприятия, не содержит в себе этих качеств.

Но ведь интенсивности и качества существуют! Более того, по теории Аристотеля, оказывается, что они являются самым существенным строительным кирпичиком мира. Например, если мы движемся во времени вперед к какой-то мысли, то в силу дискретности времени мысль может появиться только в том случае, если нечто породит ее самим фактом своей действительности, то есть присутствием, — *есть*. А «есть» — это всегда интенсивность, то есть качество. Как это объяснить? Как построить научную теорию? Мы как-то говорим об этом на философском языке, скажем, Аристотель говорит, и он затем предлагал этот философский язык в качестве образца и модели для научного языка. Не сработало дело, но проблема-то осталась. И в итоге мир, на который мы смотрим, состоит из таких явлений и целиком заполнен такими явлениями, что в этом мире (в картине такого мира) нет места для тех других явлений, посредством которых мы узнали о первых. В картине физического мира нет места для сознательных явлений, которые в то же время являются условием того, что мы вообще можем о физическом мире что-либо узнать, в том числе можем получить какую-то новую мысль о физическом ми-

ре, — в силу закона, над которым бились греки, а именно в силу закона невозможности мышления. Возьмите физическую мысль в современном научном мышлении (ту, которая рисует картину мира) — она может произойти как мысль, если есть действительность, или бытие. Есть бытие — есть мысль, потому что из содержания мысли здесь не вытекает содержание мысли там, завтра, в следующее мгновение. Каким же образом получается, что я, начав мыслить, все-таки оказываюсь потом с мыслью в руках? Я же могу умереть. Чем держится эта нерассеянность?

Аристотель как бы утверждает, что даже мысль нельзя породить мыслью, — все рождается только бытием. Это парадоксальная вещь, но это реальный вывод всей античной философии, если организовывать ее вокруг продумывания того парадокса, о котором я говорил. Подчеркиваю: ведь мы считаем, что мысли рождают мысли, что мысли — некоторые ментальные бестелесные существа, а если продумать, то окажется, что просто голой мыслью нельзя породить даже мысль. Поэтому во всякой грамотной философии понятие, категория «бытие» и учение о бытии занимают самое решающее место, в том числе в силу интуиции, или ощущения, что... В нашем изложении, в логических учениях мы можем показать силлогизм, в котором одна мысль вытекает из другой. Мысль — что это такое? Мысль — это мысль, это не вещь, назовем условно «голая» мысль, «бесплотная». Так вот, даже мысль не порождается голой мыслью, хотя, казалось бы, сам Бог велел мысли породиться мыслью. Нет, тут еще должна быть, как выражается Аристотель, мысль мыслей, как должен быть порядок порядков, закон законов, или, как мы говорили в контексте атомизма, движение движения. И мысль мыслей, порядок порядков, закон законов намертво замкнуты античной мыслью на бытие, в аристотелевском варианте они замкнуты и на действительность, или интенсивность, и на качества, и на индивидуальность.

Есть какие-то черты в современной науке, которые могут быть интерпретированы, условно конечно, как какой-то ход назад, как возвращение, частичное, или по каким-то пунктам, к Аристотелю. Скажем, некоторые парадоксы и проблемы в квантовой механике и в теории относительности похожи на то, как Аристотель занимался решением проблемы качеств, интенсивностей, действительностей, индивидуальностей и так далее. Но о том, насколько глубоко это сходство, сейчас очень трудно судить, а более подробный рассказ об этом потребовал бы от меня гораздо большего времени и к тому же введения понятий из физики, которые очень усложнили бы для вас дело. Поэтому я не буду в это вдаваться, а просто помечу, что видимость такого процесса, идущего по гребню проблемы индивидуальностей, индивидов, намечается и существует.

Будучи назывателем и многое назвав, Аристотель, впившись своим детальным, цепким и в то же время глубоким взглядом в движение мысли вокруг предмета (он вовсе не был простым описателем и классификатором, хотя и не был таким трагическим мыслителем, как Платон, но был мыслителем родственной ему глубины), фиксировал и называл все колена, шаги этой мысли. Нароботав кучу понятий, Аристотель свихнул мозги последующим поколениям.

Есть какая-то судьба у философии, так же как она есть у вещей. Я имею в виду, что на философию тоже распространяются законы, которые формулирует сама философия, в том числе закон, который я условно называл «законом усилия», то есть «законом непрерывного заново рождения». А он в человеческой жизни всегда нарушается. Мысль о законах появляется у человека только потому, что есть беззаконие, то есть возможность отклоняться от законов, когда она есть, тогда существа, отклоняющиеся от законов или имеющие такую возможность, начинают думать о законах. Я говорил, что непорядок, хаос есть норма, сама со-

бою устанавливающаяся, а порядок, истина и так далее — это ненормальное состояние. В философской мысли тоже есть определенного рода порядок, и, если мысль сохраняется, — это чудо. В том числе и мысль Аристотеля: чтобы она сохранялась, нужно было ее непрерывное рождение. А люди вокруг не непрерывно рождают, ведь надо очень много работать, а люди ленивы, это нормальное состояние человеческого существа. И поэтому все, что существует как порядок или истина, может быть порядком или истиной, только непрерывно рождаясь, и только так может удерживаться. Как говорил Декарт, истинна только сильная мысль. (Я отвлекаюсь, но это уже завершающие аккорды, и мне самому даже хочется отвлечься от этих материй.)

Кстати, эту же мысль потом повторил еще один непонятый философ. Я сказал, что всякая философия, раз вспыхнув в виде истины, сразу погребается под словом нормы, то есть глупостей и прочей нормы. Это ощущение интенсивной стороны истины (мысль — сильная мысль) на своем языке, в свою очередь непонятно, высказал Ницше, эта идея вынесена даже в название его основного, так и не законченного произведения, переведенного на русский язык странным образом — «воля к власти». И естественно, мы опять сидим глубоко в компоте, причем в столовском, в жидкости, в которой плавают сухие огрызки яблочной кожуры. Что такое «воля к власти»? То, о чем говорится в этой фразе: воля к власти — хочу властвовать и должен иметь волю к власти, но наше понимание не имеет абсолютно ничего общего с тем, что сказано в этой философеме. Во-первых, неточен перевод (это не упрек переводчику, а просто это невозможно перевести на русский язык); в немецком тексте стоит *Macht*¹ (во французском варианте *puissance*): это слово, которое имеет в себе оттенок

¹ «Wille zur Macht». — *Примеч. ред.*

силы, а не власти. В немецком *Macht* есть и сила, и власть, но для власти в немецком языке существует отдельное слово, следовательно, перевод должен быть таким: воля к силе, к сильному состоянию. Только в сильном состоянии рождается достоинство, мысль, истина и так далее. Когда мы не в сильном состоянии, мы мыслим плохо, более того, и поступаем плохо, ведь греки не случайно говорили, что раб есть раб — это человек, который не решился умереть. Война, как говорит Гераклит, есть условие всего. Сильный — это держание состояния.

Я тогда уж приведу простой пример греческого мышления, которое в действительности, хотя и греческое, каждодневное (если вообще бывает). По нашему российскому опыту вы знаете, наверное, чем отличались некоторые политические заключенные от уголовников, которые якобы их обижали, преследовали, убивали, грабили. Я бы сказал так: выигрывает и не будет обижен человек, который готов в любой момент из-за пустяка (или того, что кажется пустяком) все поставить на карту, целиком самого себя, то есть жизнь (такой опыт можно было получить в послевоенные годы на улицах Тбилиси, которые были весьма буйными в те времена). По-философски это можно выразить так: все здесь и сейчас, мир не удваивается и времена не удваиваются. А на обыкновенном, обыденном языке это выглядит так: интеллигент говорит себе — ну, подумаешь, дал он мне пощечину и отнял у меня что-то, но я ведь знаю английский язык, я должен сохранить себя. Это ценность. Действительно, что такое пощечина и ругань уголовника по сравнению с ценностями, которые я в себе ношу? Ерунда. Их нужно сохранить для завтра. А «завтра» не будет! И если ты живешь с сознанием, что «завтра» действительно нет, что все сейчас, нет пустяков, и ты весь целиком готов из-за «пустяка», «ерунды» положить жизнь (в данном случае уже не в абстрактном смысле слова, а в конкретном) и даешь это

почувствовать... Когда не были готовы положить жизнь, конечно, хранили свои знания: кто-то знал Софокла, кто-то немецкую философию. Это гораздо «выше и ценнее», чем ситуация, где уголовник тебя обижает.

Теперь мы понимаем, что такое воля к силе? Это то, о чем говорит Ницше, а если этого нет, то и жить не стоит. И Ницше на этом строил философию, — что в этом состоянии все и рождается. А как она понята? Воля к власти — значит сильные существа, какая-то порода существ. А такой не может быть. Ницше имел в виду, что в мире есть истина, красота, порядок, если всегда есть воля к силе, то есть удержание и сохранение сильного состояния.

На этом ницшеанском аккорде завершим наши беседы. Я надеюсь, что я не сообщил вам никакого свода знаний, но, может быть, что-нибудь полезное вы извлечете из того, о чем мы говорили, в тех случаях, когда у вас будут происходить реальные встречи с философскими книгами или со своими проблемами, достойными философского размышления. Тогда, может быть, проявится единственная польза — а именно ухватили вы или нет стиль и манеру философского рассуждения, или философского «вывиха». Если вы немного «вывихнулись», то я буду считать свою задачу выполненной.